

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 3
volume 3**

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

**Санкт-Петербург
1993**

"Поединок Бога Грозы со Змеем" в корейской культуре.

А. Ф. Троцевич
(Институт востоковедения)

(Санкт-Петербург)

В картине мира многих народов существенное место занимает противопоставление жизни - смерти, космоса - хаоса. Столь же устойчивы, как и сама эта оппозиция, попытки человеческой мысли найти способ преодоления смерти - хаоса. Решение этого основного вопроса предлагает миф и, в частности, один из самых распространённых среди народов мира - миф о поединке Бога Грозы со Змеем.

В настоящее время проблемы, связанные с этим мифом, изучены на большом материале только для индоевропейской традиции¹. Дальневосточные мифологические тексты и, в частности, корейские, ещё не исследовались. Поэтому в данной статье предпринята попытка обсудить этот вопрос на корейском материале.

Исследования мифа о Громовержце позволило реконструировать основную сюжетную схему мифа, а также отдельные мотивы и семантические элементы.

В основном сюжете мифа речь идёт о борьбе Бога Грозы со Змеем, во время которой Бог Грозы преследует Змея, а тот прячется от него под видом разных живых существ, под деревом или под камнем. Победа Бога Грозы и поражение Змея приносят плодородие - жизнь, которое и есть конечный результат последнего эпизода мифа².

Итак, в индоевропейской традиции Бог Грозы выступает как положительный персонаж, связанный с Космосом, в то время как Змей является носителем сил хаоса, смерти, которая побеждается в борьбе и уничтожается.

Сравнение результатов исследования славянского мифа с корейским материалом обращает внимание на то, что корейские основатели древних государств - герои преданий - наделены некоторыми чертами Громовержца³.

Используя языковые тексты преданий о царях - основателях государств, мы попытаемся реконструировать корейский миф о Боге Грозы и показать, как решалась основная проблема преодоления смерти-хаоса. Этот вопрос будет обсуждён на материале трёх преданий: о Тонмёне-Чумоне 東明朱夢 (северное царство Когурё 高句麗), Хёккосе 赫居世 (юго-восточное государство Силла 新羅) и Суро 首路 (южное царство Карак 百濟).

Предание о Тонмёне-Чумоне. Для исследования мы воспользовались одним из текстов - комментариями известного поэта XII в. Ли Кюбо 李奎報 к его поэме "Государь Тонмён" 東明王篇并序.

Ли Кюбо, решив сохранить записи об основателе государства Когурё, изложил деяния Тонмёна в стихах и сопроводил их большим прозаическим комментарием, в котором поэт воспроизвёл текст ныне утраченной "Древней истории Трёх государств" 舊三國史⁴. Обратим внимание на основные моменты предания и попытаемся исследовать семантику действующих лиц.

В тексте Ли Кюбо можно выделить четыре основные части.

1) В четвертой луне Сын небесного государя по имени Хэмосу спустился на колеснице, запряжённой пятью драконами, на гору. Через десять дней он с неё сошёл в шапке с вороньими крыльями на голове и мечом с рукоятью в виде дракона у пояса. Утром Хэмосу выслушивал дела царства, а вечером возвращался на небо.

2) У Божества реки было три дочери. Одну из них государь решил взять в жены. Он нарисовал на земле кнутом медные хоромы, которые тут же воздвиглись. Во внутренних покоях расставили угощение, девушки вошли туда и принялись за вино и кушанья. Государь поймал одну из них.

3) Божество реки разгневалось на государя за то, что тот взял его дочь без свадебного обряда. Государь в своей колеснице отправился в подводные владения Божества реки, где принял участие в пире и состязании с хозяином. После этого Божество реки упряло его вместе с дочерью в кожаный возок, но государь золотой шпилькой проткнул отверстие и, выйдя, поднялся в небо. Божество реки наказало дочь, сослав её на озеро Убаль.

4) Рыбак государя Кымва поймал дочь Божества реки железными сетями, когда она сидела на камне. Кымва поместил её в запертые покои. Там в лоно к ней проник солнечный луч, от этого она зачала и родила большое яйцо. Из яйца вышел мальчик - будущий основатель царства Когурё.

Попытаемся исследовать семантику этих событий, а также действующих лиц.

1) Сын небесного государя передвигается в колеснице, запряжённой пятью драконами. Колесница обладает свойствами проникать в три пространства и связывать их: небесное, земное (гора) и подводное (владения Божества реки). Она движется либо вниз (на гору, в царство Речного Божества), либо вверх (в небо, из воды). В индоевропейском мифе такого рода колесница является боевым атрибутом Бога Грозы⁵. Колесница Бога Грозы запряжена, как правило, конями, либо другими домашними животными (козлами, быками). При этом их пара или четвёрка⁶. В колесницу корейского Сына Небесного государя запряжено пять драконов. Драконы - хтонические существа, связанные с водой-дождём, грозой. Они воплощают мужскую производительную силу. Их число - пять - подчеркивает расцвет активности мужской силы.

Драконы, запряжённые в колесницу, влекут Сына Небесного государя вниз, к земле - на гору. Л. П. и В. Л. Сычёвы, исследуя символику изображений на китайском ритуальном костюме, заметили, что "низвергающийся дракон" всегда помещался в правой части платья, т. е. имел западную ориентацию и символизировал идею смерти⁷. Таким образом, спускающаяся вниз "драконова колесница" могла означать смерть небесного героя.

Но "умирающих драконов" пять, т. е. их смерть связана с активной производительной силой и это подчеркивает идею умирания, связанного с зачатием - новым рождением. Не случайно "драконова колесница" нисходит на гору. Гора (земля), как известно, представляется женским зачинающим и рождающим началом. Атрибуты Сына Небесного государя (колесница, пять драконов) и его действия (нисхождение к горе-земле) дают основания увидеть в этом персонаже признаки Бога Грозы, совершающего акт смерти-зачатия.

Далее, Сын Небесного государя имеет солярные признаки: суточный цикл деятельности (рождается-является по утрам, днём занимается делами правления), а по вечерам возвращается на небо); внешность (выходит к людям в шапке с крыльями ворона, а ворон почитался в Корее как солярная птица). Герой, обладающий солярными признаками, занимается устройством человеческих дел.

Все эти данные наводят на мысль о том, что в основе первого эпизода предания лежит миф о зачатии - рождении в начале лета (в четвёртой луне) солярного божества. В качестве его "родителей" выступают Бог Грозы и гора. Сравним мотив взаимодействия Бога Грозы с горой в "Ригведе": Индра, вооружённый палицей, убивает дракона, покоящегося на горе⁸. Т. е. гора здесь связана с драконом как место его пребывания. Чтобы одарить людей благом, герой уби-

вает дракона, рассекает гору (камень, скалу). В обоих примерах цель действия одна - принести благо людям, но в одном случае оно (благо) рождается как результат борьбы и разрушения - уничтожения, в другом - как плод брачного соединения.

Преобладание мотива брачного соединения и плодородия раскрывается во втором эпизоде предания, в котором действуют два персонажа: небесный герой и водяная дева. Небесный герой охотится и встречает водяную деву. Она сначала прячется от него в воде, но потом герой пленяет её с помощью кнута и медных хором.

В индоевропейской традиции медь и камень (здесь - нефрит) известны как орудия Бога Грозы (ср. медные атрибуты Индры в "Ригведе" или в описании литовского Перкунаса)⁹. Кроме того, в "Ригведе" в качестве орудия божества назван хлыст, который сравнивается с огнем, молнией и вызывает дождь¹⁰.

Таким образом, корейский герой, вступая в связь с хтонической девой, использует против неё те же предметы, что и индоевропейское Божество Грозы. Однако в орудиях Сына Небесного государства, которыми он ловит водяную деву, преобладает семантика зачатия, а не убийства: нефритовым кнутом герой не поражает противника, а рисует хоромы, из меди сделано не смертоносное орудие, а воздвигаются покои, в которые и входит герой, чтобы соединиться с водяной девой. Итак, "поединок" корейского персонажа, обладающего признаками Божества Грозы, с хтоническим существом - водяной девой, оканчивается не победой и уничтожением "противника", а брачным соединением.

Хтонический противник корейского Бога Грозы выступает в двух ипостасях - женской и мужской: водяной девы и её отца, Божества реки. Герой, оказавшись во владениях Божества реки, пирует и состязается с хозяином воды. В состязании Сын Государа неба так же, как и его противник, трижды меняет свой облик. При этом Сын небесного государя принимает облики хищных животных и птиц: выдры, шакала и сокола, а Божество реки - водяных или, как будет показано ниже, хтонических: карпа, оленя, фазана.

Для того, чтобы понять смысл поединка, попытаемся выяснить семантику животных, в которых превращаются противники. Герой и его недруг становятся тремя парами животных - естественных охотников-хищников и их жертв. Эти три пары представляют три пространства: нижнее - водяное (выдра-рыба), среднее - земное (шакал-олень) и верхнее - небесное (сокол-фазан).

Преследование жертвы хищным зверем входило в круг весенних игрищ, связанных с сезонными ритуалами, которые проводились для обеспечения плодородия¹¹. Несомненно ритуальное зна-

чение имеют и сцены охоты (в частности, на оленей с собаками) в настенной живописи гробницы когурёсского государя Мурёль-вана 武寧王, на воинских латах и на черепице¹².

Надо сказать, что олень, который являлся объектом охоты (преследования), в Корее считался хтоническим существом. В преданиях, как правило, он белого цвета, связан с горой (ездовое животное хозяина горы - белоголового старца)¹³ и водой - дождём (ср. эпизод из того же предания о Тонмёне, когда герой, выехав на охоту, поймал белого оленя, подвесил его над водой и заставил вызывать дождь)¹⁴. В повести XIX в. "Сукхян" 숙향전 белый олень живёт в подземном царстве Божества земли и приносит долгожданного ребенка бездетной супружеской паре¹⁵, т. е. он связан с хтоническими силами, дарующими плодородие.

Таким образом, олень и Божество реки - персонажи, имеющие одну и ту же хтоническую сущность.

Что касается характеристики фазана, то ряд текстов указывает на то, что фазан связан с землёй, низом, водой. Так, в буддийской легенде "Храм чудесного беркута" 靈鷲寺 рассказывается об охоте на фазана с соколом: "Фазан полетел, и, миновав гору Кымак, исчез без следа. Слышали только колокольчик сокола, разыскивающего фазана. Они долетели до колодца, который находился к северу от уездной управы Кульчжон. Сокол сел на дерево, а фазан оказался в колодце. Вода в нём окрасилась кровью. Фазан раскрыл оба крыла, чтобы защитить ими двух цыплят, а сокол будто жалел его и не решался схватить"¹⁶.

Фазан здесь связан с низом, колодцем, водой и выступает как противник солярного персонажа - сокола (солярная семантика сокола универсальна). Возможно, "водяной" семантикой фазана можно объяснить и концовку известной корейской повести "Фазан" 장끼전: герои повести, Фазан и Фазаночка умирают, погрузившись в глубокие воды, а после смерти они превратились в двустворчатую раковину¹⁷.

В связи с нашим предположением о хтоничности фазана обратим внимание также на позицию этой птицы в китайском древнем ритуальном костюме, где фазан располагается в правой западной части - там же, где тигр (хозяин запада), луна и низвергающийся дракон 卽降龍¹⁸, т. е. фазан находится в одном ряду с животными, связанными с низом, западом, смертью.

В приведённой легенде мотив борьбы и победы-уничтожения противника сглажен. Возможно, это произошло под влиянием буддийской идеи отрицания убийства, но при этом буддийские представления органично вписались в свойственное корейской культуре

понимание борьбы: её результат - не уничтожение, а достижение гармонии. Очевидно, не случайно описание преследования соляренным персонажем хтонического противника заканчивается появлением фазана с двумя птенцами: рождение потомства, плодородие - естественное завершение поединка антагонистов.

Женским хтоническим существом представлялась в древней Корее и рыба. Например, в предании о Ёно и Сео 延鳥郎.細鳥女 двух соляренных персонажей укрывает-зачинает рыба¹⁹ (ср. также детально исследованную М. И. Никитиной новеллу "Отблагодарил за милость", где "огромная рыба" представлена как женский рождающий персонаж)²⁰.

Итак, Сын небесного государя пирует и сражается с хозяином воды. В качестве противника - партнера Небесного героя - здесь выступает не женщина, а мужчина. Попытаемся найти этому объяснение.

Хозяин реки, пытаясь удержать Сына государя неба, помещает его и свою дочь в кожаный возок, но тот протыкает кожу золотой шпилькой и взлетает в небо. Семантика закрытого возка из кожи (замкнутое помещение) как материнского лона не вызывает сомнений. Нахождение в нём речной девы рядом с Сыном Небесного государя говорит о связи этого лона с дочерью Речного божества, т.е. для героя быть в плену у Речного божества равнозначно его пребыванию в лоне у водяной девы. Функционально отец и дочь равны друг другу. Возможно, здесь мы имеем дело с универсальным в мифологии случаем раздвоения персонажа: речное божество и его дочь появились как результат "расщепления" женского зооморфного существа - хозяйки горы и воды. В предании это женское существо сохранилось в облике дочери Речного божества, связанной с камнем и водой. Она выступает как вредитель: сидит на камне и ворует рыбу (ср. функции Змея, который находится под камнем (на камне) и лишает людей воды, скота). Т. е. дочь Речного божества наделена той же вредоносной ролью, что и Змей. С другой стороны, она - брачная пара для героя и мать, рожающая царя-устроителя и тем самым дарующая людям благо. В предании её сущность брачного партнёра и благотворительницы выдвинута на первый план, а функция губительницы не развита - на эту роль выдвинулся мужской персонаж - её отец, Божество реки.

Герой освобождается из плена - рождается с помощью золотой шпильки. Понимание золота как знака соляренности в мифах универсально; так же универсально и мифологическое представление о тождестве героя и его орудия. Эпизод с кожаным возком, та-

ким образом, можно расшифровать как рождение солнца (солнечного луча) из лона водяной девы.

В фигуре Сына Небесного государя объединены черты, свойственные как Богу Грозы, так и солнечному божеству. Такое объединение признаков в одном персонаже замечено В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым в традициях народов Северной Азии²¹.

Далее, водяную деву ловит царь Кымва и прячет её в закрытом помещении, куда проникает солнечный луч. В результате она в четвёртой луне родила большое яйцо, из которого вышел Чумон - основатель государства. Мотив яйца и порождающего солнечного луча свидетельствует о солярной природе вновь рождённого героя.

Таким образом, можно предположить, что водяная дева, оплодотворённая Сыном Небесного государя (Солнцем-Богом Грозы), рождает государя-устроителя в четвёртой луне - первом месяце лета. Вспомним, что супруг водяной девы - солярный Сын Небесного государя - спустился на землю к людям тоже в четвёртой луне. Во временном плане с момента появления на земле Сына Небесного государя до рождения основателя - его наследника прошёл ровно год²². Точно так же летом в четвёртой луне Юри 儒理王, сын Чумона, сменяет на престоле отца²³. Развитие действия от четвёртой луны, начала лета к четвёртой луне следующего года (от появления Сына Небесного государя к рождению Чумона-Тонмёна и от рождения Тонмёна-Чумона к приходу Юри) даёт время повествования как трижды повторенный цикл и наводит на мысль о том, что здесь речь идёт о годовом солярном цикле, где солнце как божество плодородия вступает в активную фазу производительной силы в начале лета, т. е. каждый год оно в этом время нарождается вновь, тем самым обеспечивая плодородие - жизнь.

Предание о Хёккосе - основателе государства Силла. Самый ранний текст предания включен в "Исторические записи Трёх государств" 三國史記 Ким Пусика 金富軾. Однако у Ким Пусика этот текст представляет собой историзацию предания. Поэтому мы воспользуемся записью, включённой в исторический памятник XIII в. "События времен Трёх государств" 三國遺事, составленный буддийским монахом Ким Ирёном 金一然. Изложим вкратце его содержание²⁴.

В третью луну старейшины увидели под горой у колодца странную эманацию *ки*, которая, подобно блеску молнии, спустилась к земле. Белая лошадь, стоя на коленях, кланялась. Вскоре обнаружили, что там было пурпурное яйцо (или большое зелёное яйцо). Яйцо разбили - и из него вышел мальчик, которого назвали

государем Хёккосе. Его женили на девице, которая родилась из левого бока дракона. Хёккосе правил страной шестьдесят один год, а потом вознёсся на небо. Через семь дней его тело, расчленённое, упало на землю. Тогда люди захотели собрать государево тело и похоронить, но большая змея не давала сделать это. Поэтому закопали пять частей по отдельности и могилы называли Змеиными курганами²⁵.

Основатель государства Силла появился в конце весны²⁶, его рождение связано с небесной эманацией ки, подобной молнии, и белой лошадью. Молния спускалась на землю, где под горой, возле колодца, находилась белая лошадь. Обратим внимание на то, что в поэме современника Ким Ирёна Ли Сынхю (李承休, 1224-1300) "Рифмованные записи об императорах и государях" (帝王韻記, 1287 г.) Хёккосе вышел из яйца, которое находилось в бамбуковой трубке, спущенной с неба на алом шнуре²⁷.

Итак, молния и алый шнур спускаются с неба на землю - они соединяют два пространства (ср. аналогичную функцию колесницы Сына Небесного государя). Молния обладает сущностью огня, шнур окрашен в красный цвет. В корейском языке слово, обозначающее "красный цвет" (붉다, *пультта*) этимологически связано со словом "огонь" (불, *пульт*²⁸), т. е. молния и красный шнур обладают одинаковой сущностью огня, который спускается вниз. Молния-шнур (оружие Бога Грозы, его заместитель) является одним из участников рождения героя. Молния спускается на землю - под гору, к колодцу, к белой лошади. В древней Корее лошади представлялись существами, связанными с горами и водоёмами. Например, о лошади, которая жила в колодце, рассказывается в предании о крылатом мальчике: в тот день, когда родился мальчик, из колодца вышла белая лошадь и легла рядом, но завидев людей, снова ушла в колодец. В день, когда ребенок умер, она то выходила, то уходила, не находя себе места, и её печальный голос поднимался к небесам²⁹. Белая лошадь может быть женской парой дракону: "Человек по имени И Кан был очень богат. Возле колодца он посадил иву и под этой ивой постоянно привязывал белую лошадь. Однажды из колодца вышел зелёный дракон и соединился с лошадью"³⁰.

Приведённые примеры позволяют предположить, что лошадь представлялась женским хтоническим существом. И в предании о Хёккосе белая лошадь занимает "хтоническую позицию": находится у колодца, под горой и, взаимодействуя с молнией - Богом Грозы, производит на свет яйцо, в которое заключён основатель государства. Хёккосе выступает как источник света, устроитель и податель

благ ("упорядочивает мир светом"). Он обладает солярными признаками, а весной в первой и второй луне ему приносили жертвы³¹.

Основатель государства имеет черты божества плодородия. Он умирает весной, в третьей луне, при этом смерть и захоронение Хёккосе разделены на три фазы: он поднимается в небо, затем, расчленённый, падает на землю. По указанию большой змеи его пять частей хоронят в пяти могилах, названных "Змеиными курганами".

Корейский исследователь Хван Пхэган 黃溟江 сравнивает мотив расчленения и захоронения Хёккосе с ритуалом захоронения Озириса - египетского бога плодородия, где зарывание-захоронение частей тела божества равнозначно закапыванию в землю семян для их дальнейшего прорастания³². Мы хотим добавить, что в основе этого эпизода лежит не только идея захоронения-высеваания, но и оплодотворения-зачатия в лоне хтонической матери. Так, в землю закапывают пять частей царя - число, связанное с наивысшей солярной активностью (ср. пять летящих вниз драконов Сына Неба в предании о Тонмёне-Чумоне). Могила с останками царя названы Змеиными курганами: царь, зачатый молнией (Богом Грозы) в лоне хтонической матери (лошади, земли, колодца), весной зачинается снова в лоне хтонической матери (змеи, земли) для нового рождения.

"Вновь рождённый" молодой царь вступает на престол, сменяя старого: после смерти Хёккосе на престоле - наследник Намхэ 南解王. Время царствования Хёккосе как бы охватывает годовой цикл - от весны до весны: весной старый царь-солнце умирает, одновременно оплодотворяя свою хтоническую пару, чтобы вновь родиться в качестве молодого солнца.

Обратим внимание на то, что наследник Хёккосе - царь Намхэ скончался в последнем месяце осени, в девятой луне и похоронен в тех же Змеиных курганах, что и его отец. Следующий государь Юри (или Норе, 弩禮王) умирает в десятой луне, т. е. в первом месяце зимы. При этом в разделе "Основные анналы" исторического труда Ким Пусика отмечено, что каждый новый царь вступал на престол всегда весной. Таким образом, начало царствования и смерти первых государей Силла связано с сезонным рождением и угасанием солнечной активности. В связи с этим, быть может, эти государи выполняли функции так называемых "годовых царей", известных многим народам мира. Вспомним, что подобный же годовой цикл правления был свойствен и северным корейским государям. Возможно, историзация древних мифов раздвинула время царствования этих государей, отведя им многие

годы, но сохранила прежние древние рамки мифа, связанные с рождением и угасанием солнечной активности.

Предание об основателе южного царства Карак включено в раздел "Записи царства Карак" (Карак ки, 駕洛記) в сочинении Ким Ирёна "События времен Трёх государств". О рождении основателя сказано, что весной в третьей луне над горой Кучжи 龜旨 раздался неведомый голос, который повелел народу копать землю на вершине горы, петь песню и танцевать, и тогда им будет ниспослан царь-основатель. "...Все девять старейшин, вняв его словам, обрадовались, спели песню и станцевали. Потом посмотрели наверх и увидели, что с неба спускается пурпурный шнур и касается земли. Они отыскивали нижний конец шнура и увидели завёрнутый в алое полотнище золотой ларец. Открыли и заглянули в него. Там было шесть золотых яиц, подобных солнцу. Все люди дивились и радовались, а потом сто раз поклонившись, снова завернули их в полотнище и в руках отнесли в дом Адо. Там положили на лежанку и разошлись. Прошло двенадцать дней, и тогда на рассвете собрались снова, открыли ларец - а там шесть яиц превратились в мальчиков!.. В пятнадцатый день той же (т. е. третьей) луны взошли на престол. Того, кто появился сначала, нарекли Суро или Сурын 首陵, а его царство называли Большое Карак 大駕洛³³.

Итак, в акте рождения царя-основателя участвуют: пурпурный шнур, гора с черепашью названием (Вкус черепахи), золотой ларец с золотыми яйцами. Пурпурный шнур спускается с неба к горе с "черепашью названием". Его функция - соединение неба и земли. Шнур красного, огненного цвета (ср. красный шнур в поэме Ли Сынхю, где описывается появление царя Хёккосе) и может быть модификацией молнии. Небесный огонь нисходит к хтоническому существу - черепахе³⁴, которая от этого "брака" рождает золотого героя - солнце.

Таким образом, основатель государства Суро рождается от взаимодействия молнии (оружие - ипостась Бога Грозы) и хтонической матери-черепахи. Суро так же, как и государь Хёккосе, связан с плодородием. Он появляется и умирает весной, в третьей луне, в третьей же луне вступает на престол - "нарождается" его наследник, молодой царь, который закачивает свое царствование осенью в седьмой луне.

В государстве Карак был установлен культ Суро и его супруги: в начале весны, в середине лета и в начале осени "...заготавливали вино и, приготовив хлеб, кашу и чай, плоды и лакомства, приносили им в жертву"³⁵, "...каждый раз в 29 день седьмой луны народ вместе с гражданскими и военными чиновниками поднимаются на

гору Сынчжом, устанавливают шатёр и пьют вино, едят. Подобно тому, как глаза делятся на восточный и западный, так и сильных мужчин делили на две группы - левых и правых. Они взапуски бежали от острова Мансандо - одни скакали на лошадях, по суше, другие, отесняя друг друга, плыли по воде в лодках с изображением птиц на носу..."³⁶. В приведённых отрывках явно описываются ритуалы, стимулирующие плодородие. Состязание восточной, "водяной" (жизнь) и западной, "сухопутной" (смерть) групп, обильная еда и питьё в шатре на горе являются метафорами брака - священного соединения царской пары супругов, которые весной, в середине лета и в начале осени должны активизировать производительные силы природы. Возможно, в предании о Суро и его супруге речь идёт о сезонных правителях (ср. Хёккосе и Тонмёна-Чумона), которые были связаны с аграрными культами.

Мы предположили, что в основе трёх рассмотренных преданий о царях-основателях государств лежит миф о рождении солярного божества плодородия, которого производят на свет весной или в начале лета Небесный огонь - Бог Грозы (отец) и хтоническая мать (водяная дева, черепаха, лошадь, змея). Таким образом, участников мифа трое: Бог Грозы, его хтонический антагонист и рождённое ими божество плодородия. Встреча Бога Грозы с хтоническим противником (Змеем) происходит под знаком брачного соединения и плодородия, и не борьбы и победы.

Корейская интерпретация мифа о поединке Бога Грозы со Змеем сохранилась в памяти культуры. Так, устойчивость мифологической традиции можно проследить на примере двух художественных текстов разного времени: романа XVII в. и повествования XIX в.

Роман Ким Манчжуна (金萬重, 1637-1692) "Облачный сон девяти" 九雲夢³⁷. В этом романе есть такой эпизод: герой Ян Сою вместе со своей армией после тяжёлого перехода в горах спустился в долину "Свернувшейся змеи". Увидев озеро "Белого дракона" - Байлун, солдаты, измученные жаждой, бросились пить, но вода в озере оказалась отравленной. Лишь после того, как герой провёл ночь с хозяйкой озера и победил её недруга-жениха, сына Дракона Южного моря, хозяйка озера одаривает воинов водой и "множеством голов скота"³⁸.

В эпизоде три персонажа. Герой Ян Сою имеет солярные признаки³⁹, в числе которых и его фамилия Ян ("Тополь" 楊), фонетически и отчасти графически ассоциирующаяся с иероглифом 陽, обозначающим "светлое начало". Оружие Ян Сою - плетёная из нефрита, которую он использует в сражении с морским

воинством (вспомним плеть-молнию - оружие Бога Грозы в индоевропейской традиции, а также нефритовую плеть Сына небесного государя в предании о Тонмёне-Чумоне). Два "водяных персонажа" - дочь дракона, хозяйка озера, хранительница воды и скота (ср. дочь Божества реки в предании о Тонмёне-Чумоне) и сын дракона Южного моря, предпринимающий враждебные акции против героя (ср. само Божество реки в предании о Тонмёне-Чумоне). С водяной девой герой вступает в брачную связь, с драконом он сражается и побеждает. И здесь так же, как и в предании о Тонмёне-Чумоне, ролью вредителя наделили мужчину, а брачного партнёра - женщину. Возможно, эти два "водяных персонажа" тоже появились как результат раздвоения хозяина (хозяйки) воды - хтонического антагониста героя.

Итак, в эпизоде романа универсальный для мифа набор персонажей: Змей - хранитель воды (хозяйка озера и сын дракона) и Бог Грозы (солярный герой Ян Сою), добывающий воду в поединке с драконом (состязании и брачном соединении). После сражения и соединения с героем хозяйка озера Байлун одаривает победителя не только водой, но и "множеством голов скота, чтобы на славу угостить воинов". Т. е. в корейском романе так же, как и в индоевропейском мифе, люди получают воду и скот. Однако все эти блага приобретаются не только в результате победы и уничтожения противника, но и главным образом, через брак с водяной девой - хозяйкой воды и скота. При этом именно брак, а не сражение, выдвинут здесь на первый план и значим как важный сюжетный узел (дочь дракона в конце романа становится женой Ян Сою).

Повествование XIX в. "Записки о том, как уничтожили нечисть" 滅邪記 включено в собрание сюжетных историй, которые использовались в качестве учебных текстов Ким Чегуком 김계국 - корейским учителем английского консула в Сеуле У. Дж. Астона^{39а}.

В "Записках..." рассказывается о большом Змее, который, превратившись в прекрасного юношу, проник в дом министра, чтобы жениться на его дочери. Змея разоблачил родственник министра, молодой человек по имени Ван У. Разгадав в юноше оборотня, Ван У уничтожил его при помощи "громовой верёвки" и "тысячелетнего сокола". Разоблачение и убийство оборотня происходит в четвёртой луне в доме министра во время пира. После этого молодой Ван женится на дочери министра и у них родятся сын и дочь.

Мифологическая основа этого произведения детально исследована М. И. Никитиной, которая пришла к выводу о том, что произведение использовалось как ритуальный текст⁴⁰.

Главные действующие лица повествования: змей-оборотень - нарушитель космической гармонии и солярный герой, одновременно обладающий чертами Бога Грозы, который должен сразиться со Змеем, чтобы восстановить гармонию и обеспечить плодородие. Именно на последний момент (плодородие) мы и хотим обратить внимание.

В "Записках..." солярный герой поражает Змея-оборотня оружием Бога Грозы - громовой верёвкой (возможная модификация молнии, вспомним шнур-молнию в преданиях о Хёккосе и Суро), а также "тысячелетним соколом". В предании о Тонмёне хищная птица является воплощением самого солярного героя. Сражение со Змеем происходит на пиру (вспомним состязание Сына Небесного государя с Божеством реки во время пира, пленение водяной девы Тонмёном в медных хоромы также происходит во время пира). Повествование, таким образом, оперирует рядом мифологически равнозначных действий: пир - сражение - брачное соединение, где участники трапезы, борьбы и брака - одни и те же фигуры, т. е. солярный герой и хтонический противник. Действительно, в "Записках..." вслед за победой над Змеем происходит брак юноши-победителя и дочери министра.

Дочь министра в повествовании - лицо не действующее, её функция - быть брачным партнером герою и тем самым реализовать корейскую модель поединка Бога Грозы со Змеем. В самом деле, женщина связана с хтоническими силами. В корейских преданиях она - божество горы-земли, хранительница воды, дождя. Наверное, не случайно матери и жены древних корейских царей почитались как хозяйки земли-горы, ведающие дождем (например, супруга Сына Небесного государя и мать Тонмёна-Чумона, жены Хёккосе и его сына Норе, супруга государя Суро)⁴¹. Брак с такой хозяйкой обеспечивал плодородие-жизнь. В связи с этим дочь министра, обладающая хтонической сущностью, скорее всего, выступает здесь как женский двойник самого Змея, т. е. в "Записках..." разыгрывается ситуация, описанная в предании о Тонмёне-Чумоне и в эпизоде из романа "Облачный сон девяти", где солярный герой (Бог Грозы) встречается с хтоническим противником, представленным двумя фигурами - мужской и женской. В "Записках..." мы встречаем те же мифологические персонажи на тех же местах: герой оружием Бога Грозы сражается с мужской ипостасью хтонического антагониста и вступает в брак с женской. Не случайно во всём повествовании этой женской фигуре не отведено никакой роли: главный хтонический персонаж, с которым связаны все события, - её мужской двойник, вредитель, Змей. Дочь

же появляется для гармонического завершения всего действия, которое и оканчивается браком и рождением потомства. Таким образом, в основе произведения XIX в. лежит корейская мифологическая модель поединка Бога Грозы со Змеем, поединка, в котором главное не поражение противника, а брачное соединение и новое рождение.

Мы попытались реконструировать корейский миф о Боге Грозы и показать, как в нём решалась основная проблема преодоления смерти-хаоса. В основном сюжете мифа Бог Грозы преследует хтонического антагониста с помощью традиционных орудий - молнии, камня, металла. Он находится наверху, на небе, его противник - внизу, на земле, в воде. В начале лета Бог Грозы нисходит к хтоническому антагонисту и с помощью своего орудия овладевает - соединяется с противником. В результате этого брачного соединения появляется на свет младенец, обладающий солярными признаками. Основное противоположение снимается, таким образом, не борьбой и уничтожением носителя хаоса, а брачным соединением "противников" и рождением молодого устроителя - плодородия, космоса.

Корейский миф оперирует той же оппозицией космос-хаос, жизнь-смерть, что и индоевропейский, но, в отличие от последнего, члены корейской диады не имеют чётко выраженных оценок положительного-отрицательного, добра-зла, между ними нет непримиримых отношений, которые можно разрешить только в борьбе и торжестве одной из сторон. "Антагонистические силы" корейского мифа дополняют друг друга как "мужское" и "женское", действуя гармонично в едином акте творения - плодородия, которое и выступает как начало, организующее устройство.

Подобно тому, как в природе каждый сезон года наступает в свой черед, так и рождение нового устроителя приходит в своё время. Его внутренняя творческая сила и преобразует хаос в космос. При таком понимании развития активное вмешательство в естественный порядок становится бессмысленным.

Идея гармонического союза и плодородия, а также представление о циклической смене хаоса космосом, которые нашли изначальное оформление в мифе, как нам кажется, определили некоторые особенности корейской литературы. В частности, они могли подсказать способ разрешения конфликтных ситуаций. В корейских повестях и романах, как правило, действие развивается от хаоса к установлению гармонии⁴², при этом гармония достигается отнюдь не благодаря активным усилиям положительных персонажей. В произведениях корейской средневековой прозы нет активных борцов,

сражающихся с недругами и побеждающих, либо гибнущих в борьбе. Её герои пассивны, они обладают благородными качествами и всегда связаны с космосом - имеют природу устроителей. Пройдя серию испытаний, положительные персонажи непременно обретают славу, чины и могущество, т. е. как бы вновь рождаются на свет в ином, высоком, качестве. Именно появление героя в новом качестве, а не борьба и победа, обеспечивает установление гармонии⁴³ и снимает трагическую развязку.

Примечания

1. См.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Т. В. Цивьян. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце. - Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
2. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области..., с.103, 154, 157-158.
3. Р. Ш. Джарылгасинова, рассматривая проблему этногенеза когурёсцев (Когурё занимало в I в. до н. э.-VII в. н. э. северную часть корейского полуострова), приводит материалы, свидетельствующие о культурной общности корейцев и народов Вьетнама. В частности, исследовательница замечает близость древнекорейского имени основателя государства Когурё Тонмёна-Чумона с именем мифологического персонажа, божества Грома у вьетнамских народов. См.: Р. Ш. Джарылгасинова. Этногенез и этническая история корейцев. М., 1979, с. 191.
4. Перевод поэмы и комментарии см. в сб.: Корейские предания и легенды. М., 1980, с. 205.
5. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Ук. соч., с. 81-83.
6. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Ук. соч., с. 81-84.
7. Л. П. Сычёв, В. Л. Сычёв. Китайский костюм. Символика, история. Трактровка в литературе и искусстве. М., 1975, с. 43.
8. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Ук. соч., с. 99.
9. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Ук. соч., с. 84, 103.
10. Б. Л. Огибенин. Структура мифологических текстов "Ригведы". М., 1968, с. 9.
11. Ким Пусик. Самгук саги (Исторические записи Трёх государств). Пхеньян, 1958-1959, т. 2, с. 122.
12. A Pictorial Encyclopedia of the Oriental Arts. Korea. N.-Y., 1969, N 14, N 6, N 61.
13. Хван Пхэган. Хангук соса мунхак ёнгу (Исследование корейской повествовательной литературы). Сеул, 1977, с. 90.
14. Корейские предания и легенды. М., 1980, с. 224.
15. Сукхян чжон (Повесть о Сукхяне). Рук. фонд СПбФ ИВ РАН, В-2, т. 4, л. 6-б.
16. Ким Ирён. Самгук юса (События времен Трёх государств). Пхеньян, 1960, с.421-422.
17. История о верности Чхунхян. Средневековые корейские повести. М., 1960, с. 147.
18. Л. П. Сычёв, В. Л. Сычёв. Китайский костюм..., с. 109-110.
19. М. И. Никитина. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982, с. 134. См. также: Корейские предания и легенды, с. 50.
20. М. И. Никитина. Ук. соч., с. 168-169.
21. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Ук. соч., с. 151.
22. Ли Кюбо. Тонмён ван пхён пёнсо (Государь Тонмён. Поэма с предисловием) - Ли Кюбо. Чакпхум сончжип (Избранные произведения). Пхеньян, 1958, т. 1, с. 20, 25.
23. Ли Кюбо. Ук. соч., с. 31.

24. Перевод предания на русский язык см.: Корейские предания и легенды, с. 44-46.
25. Ким Ирён. Ук. соч., с. 86-91.
26. Ким Пусик указывает на две даты: первая или четвёртая луны, т. е. начало весны или начало лета. См.: Ким Пусик. Ук. соч., т. 1, с. 8.
27. Ли Сынхю. Чеван унги (Рифмованные записи об императорах и государях). Пхеньян, 1958, квоп 2, л. 3-6.
28. Т. Г. Бугаева, Т. И. Петрова. Общие основы и лексические модели в словах, обозначающих признак "красный" в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках - Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971, с. 194, 199.
29. Чан Токсун. Хангук сорхва мунхак ёнгу (Исследование корейских преданий). Сеул, 1978, с. 502.
30. Чан Токсун. Ук. соч., с. 503.
31. Ким Пусик. Ук. соч., т. 1, с. 8, 11, 16; т. 2, с. 116.
32. Хван Пхэган. Ук. соч., с. 159.
33. Ким Ирён. Ук. соч., с. 259-262. Перевод предания на русский язык см.: Корейские предания и легенды, с. 53-54. Мифологическая основа предания о Суро исследована: М. И. Никитина. Ук. соч., с. 116-117. Здесь мы рассматриваем это предание в связи с мифом о Боге Грозы.
34. Функция черепахи как женского хтонического существа, рождающего солярного героя, достаточно подробно исследована М. И. Никитиной: Ук. соч., с. 115-116, 132.
35. Ким Ирён. Ук. соч., с. 272.
36. Ким Ирён. Ук. соч., с. 276.
37. См. исследование романа "Облачный сон девяти" в кн.: А. Ф. Троцевич. Корейский средневековый роман. "Облачный сон девяти" Ким Манчжуна. М., 1986. Перевод романа см. в кн.: Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л., 1985.
38. Ким Манчжун. Ку ун мон (Облачный сон девяти), Ыльса бон (текст 1725 г.). - Чон Кюбок. Ку ун мон ёнгу (Исследование "Облачного сна девяти"). Сеул, 1974, с. 423.
39. А. Ф. Троцевич. Ук. соч., с. 58, 120-125.
- 39а. Я благодарна Д. Д. Елисееву, который позволил мне ознакомиться с неопубликованной рукописью своих переводов коллекции рассказов, составленной Ким Чегоком.
40. М. И. Никитина. Ук. соч., с. 210-220.
41. А. Ф. Троцевич. Ук. соч., с. 101, 104, 105-106.
42. А. Ф. Троцевич. Корейская средневековая повесть. М., 1975, с. 220-233; А. Ф. Троцевич. Корейский средневековый роман, с. 121-125.
43. А. Ф. Троцевич. Корейская средневековая повесть, с. 142-147; А. Ф. Троцевич. Корейский средневековый роман, с. 22-24, 38-40, 120-121.

이 논문에서 저자는 고대 한국의 天動神에 관한 神話を 연구 주제로 삼고 있다.

이 신화에서 가장 중요한 주제는 불멸의 문제이다. 天動神 내용은 여러 면에서 建國神話와 일치하고 있는데 하늘에 살고 있는 天動神은 그의 크투니안 (chthonian) 敵對者를 번개와 불과 쇠불이 같은 기구를 사용해 내쫓는다. 이런 여름에 天動神은 그의 敵對者를 치러 내려와 자신의 기구를 사용해 敵對者를 捕獲한 후 敵對者와 혼인을 한다. 그 결과 이 둘 사이에서 아이가 誕生하는데 그 아이는 바로 天下를 비옥하게 만드는 太陽이었다.